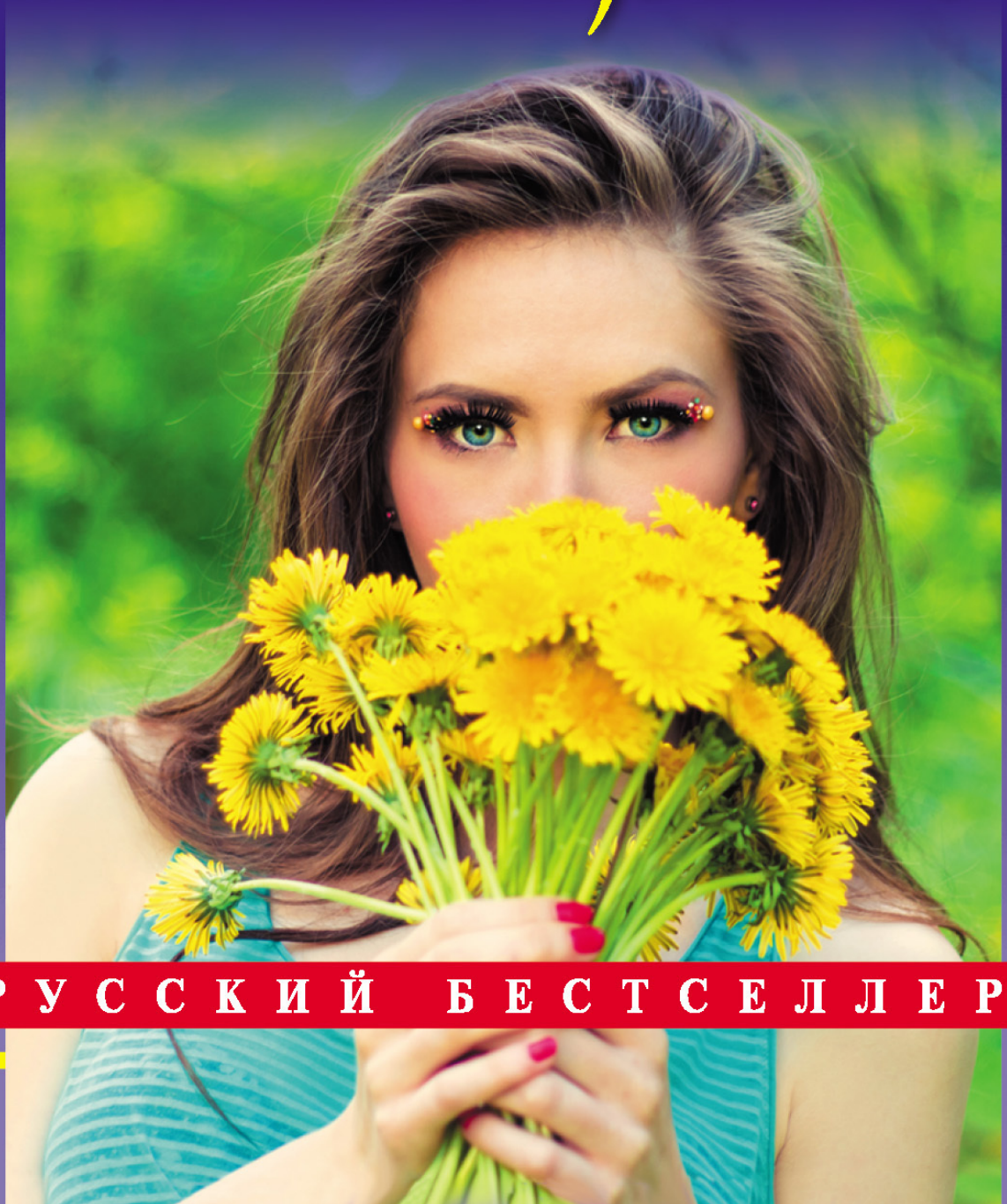
Марина

СЕРОВА

Проклятие желтых цветов



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Проклятие желтых цветов

«Эксмо»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Проклятие желтых цветов / М. С. Серова — «Эксмо», 2018 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-093238-2

Известный скульптор Светлана Родионова сильно напугана, ведь недавно кто-то прислал ей необычный букет из срезанных одуванчиков, внутри которого лежала карточка с угрозой на французском языке. Неизвестный пообещал Светлане, что скоро она умрет. И хотя Родионова догадывается, кто ей угрожает, она не спешит делиться информацией с нанятым ею для охраны профессиональным бодигардом Евгенией Охотниковой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093238-2

© Серова М. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 28
Глава 6 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Марина Сергеевна Серова
Проклятие желтых цветов

© Серова М.С., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Ремесло скульптора традиционно считается мужским, но это не значит, что мир не знает талантливых дам-ваятельниц. Лично мне сразу вспоминается в этой связи творчество Веры Мухиной, создавшей шедевр отечественной скульптуры монумент «Рабочий и колхозница» и не менее гениальный по своей простоте и не превзойденный по своей востребованности граненый стакан. Хотя, конечно же, женщин, чьим рукам подвластны мрамор и гранит по совершенно не понятным для меня причинам меньше, чем мужчин. В моей профессии примерно та же пропорция – среди десяти бодигардов только одна женщина. Но мы нашли друг друга. Точнее, Светлана Родионова отыскала мой номер телефона, позвонила, и вот теперь я ехала в ее мастерскую, расположенную в районе Соколиной горы.

В багажнике моего «Фольксвагена» лежал «тревожный чемоданчик», хотя если быть до конца откровенной, то это был достаточно большой чемодан на колесиках, в котором с трудом умещалось все то, что мне могло понадобиться для выполнения моих прямых обязанностей. Это раньше, когда я служила в особом подразделении, мой «тревожный чемоданчик» действительно был небольших размеров, и в нем не было места для разных женских штучек вроде вечернего платья, туфлей на шпильках и наполненной до отказа косметички.

Когда меня вызывали по тревоге, я обычно надевала камуфляжный костюм и косметикой пользовалась по минимуму, а то и вовсе обходилась без нее. Хотя иногда были задания, требующие креативного подхода, знаний светского этикета и навыков обольстительницы. Нас всему этому обучали в Ворошиловке, и теперь мне эти знания и умения пригодились в моей нынешней профессии, причем ничуть не меньше, чем умение метко стрелять с обеих рук из всех видов оружия, владение приемами различных единоборств и способность выживать в экстремальных условиях.

Будучи ребенком, я и представить себе не могла, какая судьба мне уготована. Как и многие мои сверстницы, я мечтала о карьере артистки, о ролях, которые принесут мне престижные награды, но всему этому не суждено было сбыться, хотя любовь к кино я сохранила до сих пор.

Мой отец был военным и служил на Дальнем Востоке. Случилось так, что моя мама умерла от неизлечимой болезни, когда я была еще ребенком. Папа долго не ходил вдовцом, он женился повторно быстрее, чем на могиле моей мамы зацвели первые высаженные мною цветы. Я не могла простить ему такого предательства. Жить под одной крышей с абсолютно чужой мне женщиной оказалось непросто, поэтому я не очень-то сопротивлялась, когда отец решил отдать меня в спецшколу. Физически и морально я была подготовлена к тому, чтобы стать универсальным бойцом или солдатом невидимого фронта, в зависимости от того, какую задачу мне следовало выполнить. Отец с раннего детства тренировал меня по собственной методике. Он хотел отрабатывать ее на сыне, но родилась я и получила имя, которое было заготовлено для мальчика, но, разумеется, в женском варианте – Евгения. Как выяснилось, предопределено было не только мое имя, но и профессия.

Итак, я окончила закрытое учебное заведение, именуемое в народе Ворошиловкой, несколько лет служила во благо Родины, а затем решила резко поменять свою жизнь и поселилась в Тарасове, у своей тетушки по отцовской линии. Вопрос о том, чем заниматься на гражданке, передо мной особо не стоял. Свои знания и умения я стала применять, охраняя жизнь и здоровье обеспеченных граждан.

Перед тем как отправиться на встречу со своей очередной клиенткой, я навела о ней справки в Интернете. Родионова была талантливым скульптором и успешной бизнес-леди. О возрасте и внешних данных моей новой клиентки я пока ничего не знала, так как мне не попалось ни одной ее фотографии, а вот ее работ в Интернете было много. Кое-что мне даже понравилось, хотя, надо признаться, я не сильна в этом виде искусства.

Припарковавшись около двухэтажного строения, которое целиком и полностью занимали мастерская госпожи Родионовой, ее выставочный зал, школа-студия и офис, я окинула взглядом его фасад и не увидела ни камер видеонаблюдения, ни решеток хотя бы на окнах первого этажа, ни таблички на входе с надписью, что территорию охраняет какой-то ЧОП. «День открытых дверей – ежедневно», – усмехнулась я, закончив профессиональное сканирование фасада. Переключившись на секундочку в регистр простой горожанки, я смогла оценить, что это здание, построенное в середине прошлого века, в отличие от соседних домов, медленно приходящих в упадок, несомненно, радует глаз своей ухоженностью, а также интригует вопросом: «А как дела обстоят внутри?»

Что-то вязавшая бабушка-вахтерша беспрепятственно впустила меня вовнутрь, услышав, что я к Светлане Игоревне. Как же так можно? А если я иду ее убивать?

Найти кабинет хозяйки этого Центра изящных искусств для меня не составило особого труда. Я поднялась по роскошной чугунной лестнице на второй этаж, огляделась и сразу же шагнула к дубовой двухстворчатой двери. На ней не было никакой таблички, но внутреннее чутье мне подсказывало, что надо открыть именно ее. Сначала я попала в приемную, там меня никто не встречал. За единственным столом стоял компьютер, по экрану которого медленно плавали пузыри. Должно быть, секретарша отсутствовала на своем рабочем месте уже минут пятнадцать, если не больше. Поскольку доложить о моем приходе Родионовой было некому, я постучалась в кабинет и, не услышав отклика, позволила себе открыть дверь и войти.

В просторном кабинете, уставленном букетами с цветами, также не было ни души. Я окинула его беглым взглядом и уже хотела выйти, но мне вдруг бросился в глаза один предмет, выглядывающий из-под стола. Это была лежащая на боку черная замшевая туфля. Неужели я опоздала? Сделав несколько шагов вперед, я зашла за стол и наклонилась. В этот момент в приемной послышались женские голоса. Под столом не оказалось ничего, кроме пары остроносых туфель на высоченном каблуке. Я успела только подняться во весь рост, когда дверь распахнулась. Женщина, появившаяся на пороге, увидела меня, вздрогнула и попятилась назад. «Ни дать ни взять Алла Назимова, звезда немого кино», – пронеслось у меня в голове.

– Светлана Игоревна, простите меня за вторжение, – проговорила я, продолжая находиться за ее столом. – Я – Охотникова, вы мне сегодня звонили.

– Ах, Евгения, – облегченно вздохнула Родионова. – А я уж было подумала…

– Все нормально? – уточнила секретарша, выглядывая из-за плеча своей начальницы.

– Да, Ника, все в порядке, завари нам чай, – Светлана зашла в кабинет и закрыла дверь. – Евгения, вы что, рылись у меня в столе?

Прежде чем ответить, я вышла в центр кабинета, зафиксировала свой взгляд на балетках, которые были на ногах моей клиентки, затем перевела его на туфлю, торчавшую из-под стола. Родионова поняла, что заставило меня заглянуть под стол, и пояснила:

– Не могу весь день ходить на каблуках, ноги отекают.

– Простите, я должна была проверить, что там, это моя работа.

– Довольно извиняться! Присаживайтесь! – Светлана сделала жест рукой в сторону стены, вдоль которой стояла череда венских стульев. Я расположилась примерно посередине. Хозяйка кабинета сначала убрала в шкаф свою обувь, внесшую некоторую сумятицу в наше знакомство, а затем подошла к окну, в которое били лучи яркого полуденного солнца. Опустив планки жалюзи, она произнесла, не оборачиваясь: – Я всерьез беспокоюсь за свою жизнь. Мне угрожают, и я хотела бы, чтобы вы, Евгения, были рядом со мной двадцать четыре часа в сутки.

Родионова так и стояла ко мне спиной, то открывая, то закрывая горизонтальные планки жалюзи.

– Светлана Игоревна…

– Можно просто Светлана, – поправила меня клиентка.

– Хорошо, Светлана, – я без труда опустила ее отчество. Клиентка выглядела старше меня лет на семь, не больше. – Вы можете мне рассказать, от кого исходит угроза? Если я буду это знать, мне будет легче вас защитить.

Окно, за которым, по моему мнению, могла таиться любая опасность, не отпускало Родионову. Для нее оно, напротив, было спасением от необходимости сию секунду начать раскрывать свою душу. Она продолжала стоять лицом к окну и играть с жалюзи. В какой-то момент мне даже показалось, что механизм сломается от непрерывной смены режимов. Светлана явно так снимала свой стресс. Уж не знаю, услышала ли она мою просьбу или находилась в плену своих страхов, не обращая внимания на происходящее вокруг. Родионова проигнорировала не только меня. В кабинет заглянула секретарша с подносом, Светлана даже не повернулась в ее сторону. Девушка поняла, что принесла чай с пирожными не вовремя, и закрыла дверь, не решившись войти.

Оставив наконец жалюзи закрытыми, Родионова вдруг резко развернулась, подошла к своему столу, открыла ящик, достала какую-то карточку, положила ее перед собой и уставилась на нее с некой опаской. Затем Светлана передвинула настольную лампу в центр стола, вероятно, собиралась подсветить карточку, но, протянув к ней руку, она ее быстро одернула и шевельнула губами. Вопреки моим ожиданиям Родионова не произнесла ни звука. Я не торопила клиентку, ей определенно нужно было время, чтобы договориться с собой о том, насколько глубоко можно посвятить меня в суть проблемы.

– В пятницу мы отмечали пятилетний юбилей нашего Центра, – наконец заговорила она. – Уже с утра сыпались поздравления – по телефону, электронной почте и, конечно же, личные. Я весь день встречала гостей, показывала им работы своих учеников и как-то между делом заглянула сюда, в этот кабинет…

– Так, – вставила я в затянувшуюся паузу.

– На столе стоял огромный желтый букет. В первый момент я подумала, что он из мелких хризантем, но, подойдя ближе, я поняла, что он из одуванчиков, – Светлана сделала акцент на последнем слова и замолчала, ожидая моих комментариев.

– Неожиданно, – произнесла я. – Мне всегда казалось, что одуванчики – единственные цветы, которые не продаются. Но, похоже, сейчас стали делать бизнес и на них.

– Одуванчики совершенно не подходящие цветы для букета, – Родионова энергично замотала головой из стороны в сторону.

– Я понимаю, желтый цвет считается цветом разлуки, – заметила я, – да и стоят эти цветы в воде, наверное, недолго.

– В букете оказалась записка. Вот она. – Родионова взяла со стола карточку и, повертев ее в руках, стала читать то, что на ней написано, причем на французском языке. – Знаете, как это переводится?

– Ты будешь есть одуванчики с корня, – произнесла я фразу, которую однажды слышала в Лозанне, столице франкоязычного кантона Швейцарии. Это был фразеологизм и означал он буквально следующее: «Ты скоро умрешь». – Там есть какая-то подпись?

– Нет, только этот короткий текст. Я хоть и учила в школе этот язык, но не сразу поняла, в чем дело. А вы, Женя, похоже, неплохо знаете французский, – заметила Родионова не без удивления.

Она, вероятно, считала, что знание иностранных языков для телохранителя вовсе не обязательно. Представляю, как она удивилась бы, узнав, что я еще и на ретроромансском могу свободно изъясняться. Немногие вообще знают о существовании этого языка, хотя на нем до сих пор говорят в Швейцарии. До того как я стала бодигардом, я некоторое время зарабатывала на жизнь переводами.

– Знаю, – скромно заметила я. – Эту фразу не назовешь популярной, ее нет в учебниках французского. Тот, кто ее написал, вероятно, бывал в Швейцарии. Среди вашего окружения есть такие люди?

– Вовсе не обязательно там бывать, – замотала головой Светлана, – он мог вычитать это в Интернете.

– Кто «он»? – не могла не поинтересоваться я.

– Тот, кто прислал мне тот букет. Ника сказала мне, что его принес курьер, но из какого цветочного магазина была доставка, она не помнит.

– Камер видеонаблюдения у вас здесь нет?

– Нет, – подтвердила Родионова. – Мне как-то неуютно жить под наблюдением, но теперь придется привыкать к этому. Евгения, если вы скажете, что надо установить камеры, какие-то тревожные кнопки, дополнительные замки, я возражать не буду.

– Светлана, а может быть, букет из одуванчиков и записка в нем – это всего лишь чья-то глупая шутка?

– Не думаю. Эта история имела продолжение. Если сюда принесли профессионально оформленный флористом букет, то около нашей квартиры разбросали одуванчики, вырванные из земли с корнем. Потом меня пытались подрезать на дороге, я едва не въехала в столб, уходя от столкновения.

– Вы запомнили марку и номер машины?

– Это была отечественная машина, «Лада», вся такая грязная, полностью тонированная. Номер я не запомнила. Мне не до того было. В первый момент я даже не связала одно с другим. Только когда опасность миновала, я поняла, что это был следующий намек.

– Намек на что? – уточнила я.

– Вероятно, на то, что мне недолго жить осталось. Я нахожусь в постоянном страхе, мне за каждым углом мерещится убийца, я вздрагиваю от каждого звонка и даже шороха. Все это отвлекает меня от работы. У меня сейчас несколько очень важных заказов, а вдохновения нет. Евгения, надеюсь, что благодаря вам ко мне вернется душевное спокойствие и я смогу работать в привычном режиме.

– Да, я готова прямо сейчас приступить к своим обязанностям. Для начала мне необходимо изучить здание, выявить все его слабые места, чтобы потом их устранить. Ваша секретарша может устроить мне экскурсию по всем помещениям, включая чердак и подвал, если таковые имеются?

– Видите ли, Евгения, я не хотела бы афишировать, что вы мой телохранитель. Никто, кроме моего мужа, не знает о той записке. Но и он не воспринял ее всерьез. Даже к тем сорным цветам с корнями, что были разбросаны в нашем подъезде, он отнесся просто как к мусору. Про «Ладу», пытавшуюся спровоцировать аварию, он сказал: «Мало ли хамов на дороге?» Но я считаю, что таких совпадений быть не может. Кто-то определенно хочет меня убить. Хорошо, что наш сын сейчас находится за границей – уехал в Англию по программе школьного обмена. Зимой его сверстник жил у нас, теперь Саша – у них. Он там пробудет два месяца. Надеюсь, что за это время здесь все утрясется, – говорила Светлана, теребя в руках шариковую ручку. Она то открывала, то закрывала ее, нажимая на кнопку. В таком состоянии ей явно нельзя было творить. Так от куска мрамора можно отсечь не только лишнее, но и все до последней крошки, и обратно эти кусочки уже не приклеешь. Помолчав немного, Родионова продолжила: – Евгения, я не знаю всех тонкостей вашей профессии, поэтому хотела кое-что уточнить.

– Спрашивайте, – разрешила я, осматривая кабинет.

Жалюзи на окнах – это хорошо, но если они открыты, то из здания напротив видны силуэты, а потому для киллера достать Родионову с крыши дома напротив – не проблема. Ей надо либо постоянно держать планки закрытыми, либо на время отказаться от этого кабинета. Я успела все это прокрутить в голове прежде, чем Светлана решилась спросить:

– Евгения, скажите, а что вы будете делать, если столкнетесь лицом к лицу с тем, кто мне угрожает?

– Нейтрализую его любыми доступными средствами, – ответила я, ни секунды не раздумывая.

– Простите, но я не совсем поняла, что вы подразумеваете под словом «нейтрализую».

– Это значит устраню угрозу.

– Насовсем?

– Светлана, я готова охранять вас столько, сколько потребуется, – уверенно заявила я, но клиентку мой ответ не удовлетворил.

Она стала допытываться дальше:

– Допустим, человек, который мне угрожает, все-таки себя обнаружит. Что вы будет делать – передадите его в руки правоохранительных органов или же устраните его… физически?

– Все зависит от конкретных обстоятельств. Но в любом случае мои меры должны быть адекватными. Я не имею права стрелять в безоружного человека. Передавать его или нет в руки полиции – это решается по-разному в каждом конкретном случае и в некоторой степени зависит от желания клиента. Светлана, скажите, а как ваш супруг отнесся к тому, что вы решили нанять телохранителя? – сместила я акцент в нашем разговоре.

– Антон еще ничего об этом не знает. Но это не страшно, я просто поставлю его перед фактом. Вы только не подумайте, что мой муж подкаблучник, это не так. Обычно мы совместно принимаем все решения, как дома, так и в бизнесе. Если бы не Антон, то у меня никогда не было бы собственной мастерской и уж тем более учеников, увлеченных скульптурой, а не компьютерами. Это все заслуга моего мужа. Это он помог мне раскрутиться. Антон просто ас по части пиара.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет по-свойски зашел высокий подтянутый мужчина средних лет. Не обращая на меня никакого внимания, он приблизился к Светлана, положил перед ней какие-то буклеты и, приобняв ее, спросил:

– Дорогая, ты это уже видела?

– Пока нет, – Светлана отодвинула брошюрки в сторону.

– Так посмотри скорее, они еще пахнут типографской краской! – восторженно произнес Родионов, а это был именно он.

– Антоша, – проговорила Светлана, не глядя листая одну из книжиц, – я хочу тебя кое с кем познакомить.

Супруг моей клиентки повернулся ко мне и, не дожидаясь представлений, спросил:

– Вы из «Тарасовского вестника»? Что ж, я рад, что застал вас. Мне хотелось бы, чтобы вы вставили в свою статью несколько моих реплик.

– Антон, Евгения не журналистка.

– В смысле? – Родионов взглянул на наручные часы. – Ясно, сейчас только половина двенадцатого, а из редакции обещали быть в двенадцать ноль-ноль. Позвольте я отгадаю, вы из Благотворительного фонда насчет предстоящего аукциона? Да, мы уже подобрали статуэтку…

– Антоша, Евгения мой телохранитель, – Светлана поставила-таки мужа перед фактом.

Он повернулся к супруге и уточнил:

– Шутишь?

– Ты знаешь, что мне сейчас не до шуток. Я приняла решение нанять телохранителя.

– Дорогая, я не понимаю, почему ты не посоветовалась со мной? – Супруг моей клиентки был сильно обескуражен.

– Антон, разве ты против?

Назревал семейный скандал, к чему мне было не привыкать. Только обычно жены были против того, что их мужья нанимали меня в качестве телохранителя, разумеется, из ревно-

сти. Здесь все было наоборот. Родионова, как мне показалось, была уверена в своем супруге, поэтому даже мысли не допускала, что он может положить на меня глаз.

– Дорогая, я сам в состоянии тебя защитить! Теперь я всегда буду ездить с тобой. И чтобы ты полностью успокоилась, я приобрел электрошокер.

– Антон, у тебя много других дел, ты не можешь быть рядом со мной постоянно, а Женя может. Это ее работа – охранять меня круглосуточно.

– Не понял? – Родионов снова оглянулся на меня. Поправив воротничок белой рубашки, он уточнил: – Вы что, поселитесь в нашей квартире?

– Выходит, что так, – кивнула я.

– Это уже перебор! Света, как тебе такое могло прийти в голову? Может, она и в нашей спальне ночевать будет?

– Антон, не надо утрировать. У нас пять комнат, так что Женя…

– Утрировать? Это ты, дорогая, утрируешь. Подумать только – глупая записка совершенно выбила тебя из колеи! Может, ты вообще неправильно ее истолковала? Надо показать ее Инне Витальевне, она десять лет живет то тут, то у дочери, во Франции, уж она знает все тонкости французского.

– Есть одуванчики с корня – это швейцарский фразеологизм, – заметила я. – И его толкование слишком однозначно.

– А я смотрю, вы тут уже спелись, – Родионов снова взглянул на часы. – Так, с минуты на минуту здесь будут из газеты. Света, нам надо обсудить с тобой, какие аспекты желательно осветить поглубже.

– Мы это с тобой уже вчера обсуждали. Антоша, перестань дуться! Лучше подскажи, как мы будем представлять Евгению. Я хотела сказать всем, что она моя племянница, но ты наверняка сможешь придумать что-то получше.

– Уж конечно! С чего бы это племяннице таскаться за тобой хвостом? – Родионов изобразил на своем лице напряженную работу мысли. – Значит, так, Евгения будет твоим летописцем! Сейчас у многих звезд есть свои летописцы, они фиксируют каждый их шаг, так сказать, для истории.

– Я не возражаю, пусть будет летописцем. Чайку бы попить. Почему Ника его до сих пор не принесла? Пойду узнаю, в чем дело. – Светлана направилась в приемную, но вскоре вернулась обратно. – С вахты звонили – журналисты к нам уже поднимаются.

– Журналисты? – переспросила я, насторожившись. – Обычно интервью берет один человек.

– Мне так сказали, – Светлана села обратно за стол, взяла в руки маленькое зеркальце и стала прихорашиваться. – Я сегодня совершенно не в форме.

Я впервые видела Родионову, и мне показалось, что выглядит она безупречно. Но Светлана была собой недовольна. Хотела бы я взглянуть на свою клиентку в тот момент, когда ей нравится свое отражение в зеркале!

Глава 2

Антон пошел встречать гостей и вскоре вернулся с представителями прессы. Их было двое – корреспондентка «Тарасовского вестника» Лилия Гордиенко, которую я знала в лицо, и фотограф – молодой человек лет двадцати двух. Он сразу же стал устанавливать посреди кабинета штатив-треногу.

– Нет-нет, – возразила Родионова, – мы не договаривались о съемках, только интервью.

– Светлана Игоревна, всего один снимок, – попросила Гордиенко. – Вы же понимаете, читатели больше обращают внимание на статьи с фотографиями.

– Нет, я сейчас совершенно не готова позировать.

– А позировать и не надо, – заметила журналистка. – Слава очень хороший фотограф. В процессе нашего интервью он сделает несколько случайных кадров, мы с вами выберем лучший… Слава, ты готов?

– Еще пару секунд, – ответил тот и оглянулся на окно. – Вы позволите открыть жалюзи?

Антон услужливо направился к окну.

– К сожалению, это невозможно, – произнесла я, спешно подыскивая причину, чтобы его остановить. В кабинете было достаточно светло для интервью, а поднимать жалюзи – означало открывать обзор с крыши соседнего дома. – Механизм сломался. Мы как раз ждем мастера.

– Точно, я как-то забыл об этом, – вполне натурально подыграл мне Родионов. – Вот что, если вам так уж нужна фотография, то почему бы вам не снять работы?

Слава взглянул на Гордиенко, и та согласно кивнула.

– Дружище, пойдем в выставочный зал, – обратился к фотографу Антон, – я предоставлю там тебе широкое поле деятельности.

Слава подхватил свою треногу и направился за Родионовым. Мы остались в кабинете втроем. Я пересела в дальний угол и постаралась быть незаметной. Лилия расположилась напротив Светланы, достала диктофон, положила его на стол, включила и задала первый вопрос:

– Скажите, Светлана Игоревна, в каком возрасте вы создали свою первую скульптуру?

– Трудно сказать, – Родионова на миг задумалась. – Сколько я себя помню, я все время что-то лепила – из пластилина, глины, даже из песка. Мама говорила, что ее отец, мой дедушка, делал небольшие фигурки из гипса и продавал их на рынке. Вероятно, мне передался его дар.

– Светлана Игоревна, а вы ведь родом не из Тарасова?

– Откуда вам это известно? – удивилась Родионова.

– Да я уже и не помню, – журналистка не стала раскрывать свой источник информации. – Так где вы родились?

– Уж не знаю, насколько это будет интересно читателям, – Светлана скупо улыбнулась. – Я родилась в Тамбовской области, в небольшом, но очень красивом городке. Неподалеку от нашей школы был глиняный карьер, вот там мы набирали глину и лепили на уроках труда различные фигурки. Я частенько не успевала закончить свою работу за урок, потому что старалась вылепить детали. Мои одноклассники выбрасывали свои поделки – урок закончен, оценка получена и ладно. А я брала свои фигурки домой, доделывала их, разукрашивала.

– У вас сохранились те детские работы?

– К сожалению, нет. В старших классах я потеряла интерес к этому виду творчества. Я решила стать юристом, поэтому мне было не до лепки.

– Так вы юрист по профессии?

– Да, я училась этой специальности, но поняла, что юриспруденция – это не мое, и вернулась к своему хобби.

– А художественное образование у вас есть?

– Да, именно в стенах художественного училища я полюбила камень, особенно мрамор. Сначала он мне не давался, но это только подзадоривало меня. Преподаватель ругал меня за излишнюю детализацию, но я по-прежнему старалась воспроизвести каждую деталь, каждую черточку лица. В конце концов, он понял, что это мой почерк.

– Так где именно вы учились? – уточнила Гордиенко.

– Лилия, вы что, хотите написать мою биографию для Википедии?

– Нет, что вы! Давайте вернемся в настоящее. Недавно Центр изящных искусств, который вы, Светлана Игоревна, возглавляете, отметил пятилетний юбилей. Скажите, это коммерческий проект или все-таки творческий? – в свою очередь, поддела журналистка Родионову.

– Я бы сказала, что для меня приоритетным является передача своего опыта детям. В Тарасове есть другие школы и творческие мастерские, где развивают таланты в области скульптуры, но туда берут исключительно одаренных детей. Там есть какие-то вступительные экзамены, у меня их нет. Я беру всех без исключения и предоставляю им возможность самовыражения. Часто детей приводят их родители, бабушки-дедушки, поэтому иногда ребятишки не понимают, куда попали, зачем они здесь. А потом смотрят на других, на то, как кусок глины или неотесанный камень превращается в их руках в узнаваемую фигуру, и тоже начинают творить. Когда они выбирают материал, который им по душе, я начинаю подсказывать, что и как надо с ним делать. Это такое счастье, когда мне удается разбудить в ребенке творческое начало! Впрочем, я тоже учусь вместе с ними видеть и воплощать еще никем не выявленное…

– Светлана Игоревна, но ведь занятия платные, не так ли? – Журналистка без всякого стеснения «заземлила» одухотворенный рассказ Родионовой о ее воспитанниках.

– Первые два-три занятия совершенно бесплатны, этого времени обычно хватает, чтобы ребенок мог понять, есть ли у него желание заниматься ваянием. В дальнейшем за уроки придется платить. От арендной платы нас никто не освобождал. Но мы предоставляем материал.

– Ходят слухи, что вы продаете работы своих учеников и не делитесь с ними выручкой. В этом есть хоть доля правды?

– Что за чушь? Работы моих учеников, разумеется, по их желанию, периодически выставляются на аукционы, сбор средств от которых идет на благотворительность. Последний раз деньги, вырученные от их продажи, были направлены в приют для бездомных животных. Помоему, в «Тарасовском вестнике» как раз была статья об этом, – Родионова очень достойно вышла из этой щекотливой ситуации.

Но Лилия не унималась:

– У вас есть и взрослые ученики. Так ведь?

– Есть, сюда может прийти любой желающий овладеть искусством создания скульптуры, возраст не имеет значения.

– А как вы отнеслись бы к ситуации, если бы ученик превзошел учителя, то есть вас, Светлана Игоревна?

– Я была бы счастлива.

– Что ж, тогда спешу вас поздравить – у вас есть повод порадоваться за одного из ваших учеников. Вы догадываетесь, о ком речь?

– Вероятно, о Кирилле Ключевском. Я читала, что его статуэтка прошла жесткий конкурсный отбор и была выбрана в качестве приза одного престижного телевизионного конкурса.

– Но Кирилл лично вам об этом не сообщал? – В словах Гордиенко отчетливо слышалось желание поддеть.

– Пока нет.

– А вы сами в конкурсах принимаете участие?

– Нет.

– А почему? Боитесь проиграть или призы не слишком интересны для вас? – Журналистка так и пыталась вывести Родионову из состояния равновесия.

– Конкурсы – это прерогатива молодых.

– То есть вы себя молодой уже не считаете? Сколько вам лет, если не секрет? – совершенно распоясалась Гордиенко.

– Лиля, вы планируете написать в статье, какого я года рождения?

– Не так буквально, – стала юлить журналистка. – Думаю, нашим читателям было бы интересно знать, каково ваше внутреннее ощущение возраста.

– Если я скажу, что ощущаю себя двадцатилетней девчонкой, это прозвучит красиво, шестидесятилетней умудренной опытом женщиной – сенсационно. Но я скажу правду, я ощущаю себя в своем реальном возрасте. Я мать четырнадцатилетнего подростка, я состоялась в своей профессии, у меня даже интервью берут.

Светлана показалась мне очень мудрой женщиной, которую не так-то просто вывести из себя. Если одуванчики вызвали у нее панический страх, значит, на то были основания. У меня закралось подозрение, что Родионова знает, от кого исходит угроза, но по каким-то причинам не хочет делиться своими догадками ни со мной, ни с мужем. Может, это какой-то отвергнутый поклонник прислал ей тот букет? Хотя все это странно – предупредить о своих планах, а потом попытаться их исполнить. Тот, кто готовит покушение, обычно не предупреждает об этом свою жертву, а караулит ее с ножом в подворотне или нанимает киллера. Человек, вложивший записку в букет одуванчиков, либо просто действует ей на нервы, либо хочет, чтобы она знала, за что приговорена. Я склонялась к первому варианту, потому что пока не могла себе представить, за что Светлана могла бы заслуживать смерти. Конечно, у нее могло быть море завистников. Но им нет смысла идти на кардинальные меры. После смерти талант погибшего возводится в N-ную степень, здравствующему таких высот достичь еще труднее. Так что для удовлетворения своих амбиций им бывает достаточно разорить или опозорить объект своей зависти. А можно его вывести из состояния душевного равновесия, лишить вдохновения.

Гордиенко постоянно пыталась поддеть Родионову, выведать у нее какую-то сенсационную информацию. Впрочем, это была ее работа. Сейчас мало кто читает газеты, разве что пенсионеры, которые не увязли во Всемирной паутине. «Тарасовский вестник», конечно, не желтая пресса, но от жареных фактов не откажется. Иногда самая ценная информация содержится не в ответе, а в самом вопросе. «А это правда, что вы наживаетесь на работах своих малолетних учеников?» – стоит только опубликовать жирным шрифтом этот вопрос, и все, слухи потянутся по городу, независимо оттого, какой на него последовал ответ.

Интересно, кто направил сюда Гордиенко? Не тот ли, кто прислал Светлане букет с запиской на французском?

Вернулся Антон, один, без фотографа. У Лилии сразу же нашелся для него вопрос:

– Скажите, Антон Михайлович, а каково это – быть мужем Светланы Родионовой?

Все-таки Гордиенко была мастером провокационного вопроса, она решила поддеть и Антона, дав ему понять, что Светлана – талантливый скульптор, успешная бизнес-леди, а он всего лишь ее супруг. Многие мужчины сочли бы такую постановку вопроса оскорбительной для себя, но только не Родионов.

– Это – счастье! С той самой минуты, когда Света, – Антон подошел к жене и, немного наклонившись, ее приобнял, – приняла мое предложение руки и сердца, и по сей день я ежесекундно чувствую себя самым счастливым мужчиной на планете.

Слова сами по себе были напыщенными, но произнесены они были с такой нежностью и любовью, что сомневаться в их искренности не приходилось.

– Обычно женщины, занимающиеся творчеством, выходя замуж, оставляют свою девичью фамилию, а вы, Светлана Игоревна, ее поменяли. Это Антон Михайлович настоял?

– Нет, передо мной не стояло такой проблемы. Я вышла замуж и, как положено, взяла фамилию мужа.

– А как ваша девичья фамилия?

– Она входит в список самых распространенных русских фамилий, – Светлана скромно улыбнулась.

– А вы знаете, что вас за глаза зовут Роденовой?

– Роденовой? Это – производная от Родена? – Света была искренна в своем недоумении.

– Неужели не знали? – допытывалась Гордиенко.

– Нет, впервые об этом слышу. Антон, а ты? – Светлана подняла глаза на мужа.

– Да, я слышал это как-то из уст ребенка, твоего ученика, но не думал, что его оговорка прилипнет к тебе.

– Вот уж поистине устами младенца глаголит истина! – Лилия неожиданно оглянулась на меня. – Девушка, а вы, простите, кто?

– Евгения пишет книгу о Светлане, – прояснил ситуацию Антон.

– Вот как? А я все думаю, почему здесь посторонние? То есть выходит, что мое интервью облегчило вам работу? – съязвила Гордиенко.

– Не переживайте, я не узнала ничего нового для себя.

Лиля повернулась к героине своего интервью:

– В заключение я хотела бы спросить о ваших творческих планах.

– Сейчас мы готовимся к международной выставке, – сказал Антон, хотя журналистка обращалась явно не к нему. – Там будет выставлено десять или пятнадцать работ…

– Ясно! Светлана Игоревна, а вы не думали о том, чтобы подарить городу какую-нибудь скульптуру?

– А вы разве не в курсе, что Светлана – автор бюста Маяковского, того, что установлен в сквере его имени? – удивился Антон.

– Конечно, в курсе. Я имела в виду большой памятник или даже скульптурную композицию. Вроде «Мыслителя» Родена или его «Граждан Кале»? – Гордиенко продемонстрировала, что знакома с творчеством французского скульптора. Наверняка заранее почитала про него в Интернете.

– Зачем же такие аналогии? Я все-таки Родионова, а не Роденова.

– Давайте вернемся к предстоящей выставке, – предложил Антон, продолжая стоять за спиной своей супруги.

– Вы знаете, у меня уже достаточно материала, – оборвала его Гордиенко.

– Как Светин пиар-менеджер, я хотел бы почитать вашу статью прежде, чем она попадет в верстку, пришлите мне ее, пожалуйста, на электронную почту.

– Да, конечно, – Лиля убрала диктофон в сумку и направилась к выходу. Проходя мимо меня, она бросила в мою сторону: – Успехов!

– Благодарю, – кивнула я.

Когда за ней закрылась дверь, Светлана пожаловалась:

– Как же она вымотала меня своими вопросами! Антон, зачем надо было организовывать это интервью?

– А я и не организовывал, Гордиенко сама на меня вышла. Я не возражал. Света, не переживай, я отредактирую ее статью. Все будет хорошо.

Ника принесла свежезаваренный чай с пирожными.

– Евгения, подсаживайтесь к нам, – позвала меня клиентка.

– А кофе можно? – спросила я, вспомнив, что видела в приемной кофемашину.

Взгляд секретарши так и говорил: «А ты еще кто такая, чтобы я готовила тебе кофе?»

– Ника, Евгения теперь неотлучно будет находиться рядом со мной. Она мой летописец.

– Кто? – уточнила девушка.

– Летописец, – повторил Антон. – Женя пишет книгу о Светлане.

– Понятно, сейчас сделаю кофе. – Ника удалилась.

Глава 3

После сладкого перекуса Светлана вдруг почувствовала прилив творческих сил и направилась в мастерскую, я, разумеется, последовала за ней. Каждый раз принимаясь за новую работу, я мысленно ставила себя на место киллера, чтобы определить уязвимые места потенциальной жертвы. В данном случае мудрить особо было не надо, это здание подходило для ликвидации идеально. Охраны по сути здесь не было – бабушка-вахтерша, не отрывающая глаз от своего вязания, не в счет. Интерьеры были такими, будто в этом здании изначально планировалось покушение. За статуями в нишах аркадного коридора, да и за самими арками можно было притаиться, чтобы в нужный момент сделать свое черное дело, а потом спуститься вниз по одной из двух запасных лестниц, располагавшихся по краям здания.

Я все время старалась быть на полшага впереди своей клиентки, чтобы в случае опасности прикрыть Родионову, но при этом не забывала поглядывать назад, ведь угроза могла исходить отовсюду. Мы благополучно добрались до мастерской. Светлана вставила ключ в замок, повернула его и толкнула дверь.

– Погодите. – Я отстранила ее и первой вошла туда, где рождались шедевры. Оглядев взглядом довольно просторное помещение, я сказала: – Чисто! Можете заходить.

– Спасибо, Евгения! Здесь я чувствую себя в полной безопасности. Я всегда закрываюсь, когда работаю, чтобы мне никто не мешал, так что вы можете пока прогуляться по Центру, изучить все его помещения, а то и вовсе отлучиться отсюда часов до шести вечера. Раньше я не освобожусь, а если вдруг вдохновение меня покинет, я вам позвоню.

– Хорошо, я не буду нарушать ваших привычек, но сначала мне надо досконально все тут осмотреть.

– Женя, это лишнее, окна здесь зарешечены, ключи я на вахту не сдаю.

– И тем не менее. – Я закрыла дверь и направилась к ближайшему окну. Оно выходило во двор и на нем действительно была металлическая решетка, причем открывающаяся. Так что в случае чрезвычайной ситуации надо было лишь открыть замок висевшим рядом ключом, распахнуть решетку, затем окно и быстро покинуть помещение. Я справилась бы с этим заданием секунд за сорок, а вот неподготовленному человеку и десяти минут, пожалуй, будет мало. Тренировочку бы здесь устроить…

– Вот видите, Евгения, – Светлана прервала мои размышления, – тут мне ничто не угрожает.

– Надеюсь… – Увидев на полу впереди себя черную тень, я моментально развернулась и в прыжке поймала гипсовый бюст, падающий с верхней полки стеллажа.

Несколько секунд мы со Светой молча смотрели друг на друга. Потом я почувствовала тупую боль в груди. Поймав бюст, который весил не меньше десяти килограммов, я, вероятно, сломала ребро.

– Женя, вы были великолепны! Если бы вы только могли видеть себя со стороны! Какой изгиб тела! Какая мимика!

Реакция Родионовой меня удивила, причем настолько, что я продолжала держать тяжеленный бюст, вместо того чтобы поставить его на пол.

– То есть вы сейчас не испугались?

– Не успела, – призналась Светлана. – Все так быстро произошло. Но как вы поняли, что он падает, ведь вы уже повернулись к стеллажу спиной?

– Я увидела тень. – Я наклонилась, чтобы поставить гипсовую голову на пол. Меня пронзила резкая боль, но я сдержалась, чтобы не ойкнуть.

– Женя, вы не ушиблись? – запоздало поинтересовалась клиентка.

Неужели она всерьез думала, что можно поймать этот кусок гипса и ничего не почувствовать? Это же не баскетбольный мяч, хотя и от него на теле остаются синяки.

– Я в порядке. А вы, Светлана, по-прежнему будете утверждать, что вам здесь находиться безопасно?

– Я до сих пор думала, что так и есть, но теперь я в этом не уверена. – Родионова уставилась туда, откуда упал бюст. – Маяковский стоял там два года, это уменьшенная копия того бюста, который потом был отлит в бронзе. Почему он вдруг упал и именно сейчас?

«Хорошо, что уменьшенная», – подумала я, а потом спросила:

– У вас есть лестница, чтобы залезть наверх и проверить, нет ли там какого-то механизма, заставившего бюст упасть в нужное время.

– Да, здесь есть стремянка, – Светлана указала рукой в угол мастерской.

Я сходила за ней и полезла наверх. Каждое движение отдавалось болью в правом нижнем ребре, но боль была более или менее терпимой, что позволяло мне надеяться на то, что перелома все-таки нет. На полке, с которой свалилась гипсовая голова поэта-трибуна, не было ничего, что могло бы привести бюст в движение. Но поверить в случайность означало потерять бдительность. Я стала исходить в своих дальнейших размышлениях из того, что это была неудачная попытка покушения на мою клиентку. Возможно, кто-то сознательно переставил бюст на самый край, и он упал от сквозняка, возникшего при открывании двери.

– Женя, как вы думаете, почему Маяковский упал? Его ведь года два никто не трогал.

– Правда? А я не заметила пыли на полке.

– Выходит, кто-то специально передвинул бюст на самый край, рассчитывая на то, что он упадет, когда я сюда зайду? – Родионова высказала свое предположение, которое совпало с моим.

– Возможно, хотя вероятность того, что он упал бы именно на входящего человека, ничтожно мала. И потом, пыли не было на всей полке, а не только на пустом месте. Я провела рукой за бюстиком женщины, который соседствовал с Маяковским, там чисто.

– Это Марина Цветаева. Не видно ее характер, да? – Светлана смущенно потупила взгляд. – Мне и самой не понравилось то, что у меня получилось, поэтому я не стала его отливать. Возможно, я когда-нибудь вернусь к Цветаевой… Ой, как же я забыла! Серафима здесь недавно убиралась по моей просьбе.

– Кто такая Серафима?

– Это наша домработница. Пожалуй, она единственный человек, кому я могла доверить генеральную уборку здесь. Она такая аккуратистка! Вы скоро сами с ней познакомитесь.

– И когда она здесь убиралась?

– На прошлой неделе. Перед празднованием юбилея я нанимала клининговую службу, но сюда посторонних людей пустить не могла. Понимаете, я не люблю никому показывать свои незаконченные работы, – Света оглянулась назад, туда, где под чехлами стояли две ее незавершенные работы. – Серафима такой человек… – Родионова задумалась, подбирая подходящий эпитет, но так и не нашла слово, наиболее точно описывающее домработницу, поэтому стала рассуждать: – Если ей сказали не смотреть, что под чехлами, значит, она не будет этого делать. Если ее попросили ничего не менять местами, значит, она это выполнит.

– То есть здесь, кроме вас, была только ваша домработница?

– Нет, еще у меня есть два помощника, Петр и Макс. Но они не были тут с пятницы. Мы с Антоном были последними, кто уходил отсюда. Неужели тот, кто мне угрожает, каким-то образом проник сюда в выходные? – спросила Светлана, причем скорее себя, чем меня. Она уставилась в глубокой задумчивости на дверь. Меня снова посетила мысль, что Родионова знает, кто ей угрожает, и в данный момент прикидывает, мог ли он сюда каким-то образом попасть.

– Знаете, Света, при желании постороннему человеку проникнуть сюда не составит никаких проблем. Зайти в здание может любой, открыть эту дверь без родного ключа особой сложности тоже не представляет. Надо менять все двери, а также окна, особенно те, что выходят на улицу.

– Нет-нет! Это здание является классическим образцом архитектуры середины прошлого века. Когда мы взяли его в аренду, оно мало чем отличалось от соседних зданий, но мы постепенно реставрируем его, стараясь не нарушать стиль. Вы предлагаете мне поменять эту дверь на типовую металлическую? Ни за что! Я нашла ее, можно сказать, на свалке и привезла сюда на своей машине. Орнамент по периметру ручной работы. Он был поврежден. Я лично его восстановила, хотя резьба по дереву – это не мой конек. Эта дверь – моя гордость! Евгения, я для того вас и наняла, чтобы ничего кардинально не менять вокруг себя. Вот меня сегодня назвали Роденовой, но мы с великим скульптором совершенно разные. Он говорил, что никакого вдохновения в принципе не существует, нужно только терпение. Это не про меня. Я могу творить только по вдохновению, а потому никогда не принимаюсь за новую работу с заранее обдуманными планами. Все происходит спонтанно, для меня важно поймать идею и воплотить ее в скульптуре, причем так, чтобы она была понятна людям. Пока я не буду чувствовать себя в безопасности, вдохновение ко мне не вернется, – произнесла Родионова, глядя на гипсовую голову Маяковского, потом резко повернулась ко мне: – Женя, вы можете обеспечить мою безопасность? Я понимаю, это непросто. Если вы сомневаетесь, то я буду искать того, кто сможет это сделать.

Вот и проявилась звездная болезнь! Неспроста ее называют за глаза Роденовой, неспроста! Я только что, не жалея себя, бросилась ловить кусок гипса, который она называет Маяковским. Я, конечно, с Владимиром Владимировичем не встречалась, но на фотографиях, которые я видела, он выглядит гораздо симпатичнее, да и дружелюбнее. Убить ее, конечно, Маяковский не убил бы, но вот поранить осколками мог. Так что я, возможно, ценой своего сломанного ребра спасла ее от ссадин, а она недовольна. В моих советах по усилению безопасности она не нуждается! Дверь со свалки, видите ли, ей очень дорога! Ничего, я это уже проходила. Когда совсем припрет, она по-другому заговорит.

– Женя, вы меня простите, я не должна была повышать на вас голос, – опомнилась Родионова. – Просто эта дверь, она мне действительно дорога… Давайте вместе подумаем, как сделать так, чтобы никто посторонний не мог сюда проникнуть.

– Можно заключить договор с охранной фирмой.

– У нас договор с вневедомственной охраной, именно она выиграла тендер, но вся охрана заключается в наличии у вахтера тревожной кнопки. Еще нас заверили, что по ночам сюда несколько раз приезжает патрульная машина, охранники осматривают здание снаружи. Пока ни разу ничего подозрительного они не заметили.

– Надо бы проверить, действительно ли они это делают.

– Но как?

– Да очень просто. Надо оставить в одном из кабинетов свет на ночь включенным. Что они должны делать в этом случае?

– Позвонить на вахту, вахтеры круглосуточно дежурят, а если не дозвонятся, то – Антону.

– Ясно, вот и посмотрим, как они несут свою вахту. Еще я поменяла бы замки и оклеила бы некоторые окна светоотражающей пленкой.

– Только не здесь! Мне просто необходимо естественное освещение мастерской.

– Здесь и не требуется этого делать. Окна тут располагаются высоко, прохожие в них не заглядывают, а напротив железобетонный забор.

– Да, за ним скоро начнется строительство жилого дома.

– Может, там сваи вбивают, поэтому от вибраций бюст потихоньку двигался к краю? – предположила я, хотя эта версия была так себе. Если бы это здание сотрясалось от вколачива-

ния свай или каких-то других вибраций, то перемещались бы все предметы. Но «ноги приделаны» были только Маяковскому.

– Не слышала, по-моему, там еще даже котлован не вырыли. Женя, пожалуй, я соглашусь поменять здесь замок. Сейчас можно найти в продаже замки под старину, пожалуй, это будет выглядеть аутентично. Я попрошу Антона, и он займется этим вопросом. Нет, сегодня точно поработать не удастся. – Светлана уставилась на бюст. – Подумать только, он мог свалиться прямо на меня!

– Вряд ли, но осколки до вас долететь могли. Еще необходимо установить видеонаблюдение, хотя бы в коридорах.

– Я согласна! – мотнула головой Светлана. – Пойдемте наверх! Я лучше поработаю с документами.

– Давайте поступим так, вы останетесь на какое-то время здесь, а я возьму в машине пленку и оклею ею некоторые окна. Еще я позвоню в одну фирму и попрошу сегодня же приехать и установить WEB-камеры.

– Женя, не бросайте меня здесь одну! Можно, я пойду с вами?

– Нежелательно. Я сейчас осмотрю тут каждый угол, удостоверюсь, что никто нигде не прячется, а потом вы меня выпустите и закроетесь на ключ.

– Но вы же сами сказали, что замок ненадежный.

– Вы взяли электрошокер, который купил ваш муж?

– Нет, вы же видели, что я пришла сюда с пустыми руками, точнее, с телефоном.

– Позвоните супругу, – предложила я.

– Возможно, он отъехал по делам, – сказала Родионова, тем не менее стала звонить мужу: – Антон! Ты где? Хорошо, что здесь. Антоша, бери электрошокер и срочно спускайся к нам в мастерскую! Да, Евгения со мной, но ей надо отлучиться… Это по делу. Приходи сюда и все узнаешь.

– Света, а вы действительно не догадываетесь, кто устраивает вам эту нервотрепку? – поинтересовалась я, едва моя клиентка отняла смартфон от уха.

Ее глаза забегали, а лицо покрылось румянцем. Мне стало ясно – что бы она сейчас мне ни ответила, это будет неправдой.

– Нет, я даже приблизительно не знаю, кому это надо и зачем, – произнесла Родионова, зайдя за стремянку. Она явно что-то мне недоговаривала.

Сколько раз я слышала подобные заверения от своих клиентов! Некоторые пытались прикрывать дверцы шкафов, из которых уже наполовину вываливались скелеты, наивно полагая, что я ничего не вижу и не слышу вокруг себя. Меня многому научили в Ворошиловке, в том числе читать людей как открытую книгу. Светлана отгораживалась от меня всеми доступными средствами. В кабинете она поставила между нами настольную лампу, а сейчас между нами была стремянка. У Родионовой в шкафу определенно хоть один скелет, да был. И пусть он еще не вываливался наружу, но внутри костяшки уже тихонько постукивали.

Почему-то клиенты считают нормальным скрывать от телохранителя информацию о том, от кого исходит угроза. Но как бы там ни было, я не имела права на антипатии или симпатии к тем, кого охраняла, ведь от меня напрямую зависела их жизнь. Я должна была быть беспристрастной.

Антон примчался в мастерскую через две или три минуты.

– Что у вас тут случилось? – спросил он, когда я впустила его к нам, предварительно проверив, нет ли с ним кого-то еще.

Светлана махнула рукой в сторону бюста, пояснив:

– Маяковский едва меня не раздавил. Если бы Женя его не поймала, от меня бы осталось мокрое место.

– Если бы Евгения попыталась поймать Маяковского, падающего с такой-то высоты, то не только он, но и она была бы в гипсе. Девчонки, хватит меня разыгрывать! Вы бы хоть лестницу от стеллажа оттащили! Света, я уже согласился на то, чтобы Женя находилась при тебе круглосуточно, пока ты не избавишься от своих кошмаров, так что не надо…

Я ткнула пальцем в свою футболку, продемонстрировав Антону свидетельство того, что получила неслабый удар по грудной клетке. Не в моих правилах было жаловаться на боль, травмы и какие бы то ни было тяготы своей работы, но сейчас был другой случай. Мне нужно было не сочувствие, а понимание того, что угроза жизни его супруги существует, поэтому надо вводить режим ЧС.

– Евгения, вам нужна медицинская помощь? – спросил Родионов, проникнувшись всей серьезностью ситуации.

– Нет, это всего лишь легкий ушиб. Побудьте, пожалуйста, со Светланой, а я займусь превращением этого Центра изящных искусств в крепость.

Антон больше не стал возражать, он подошел к жене и обнял ее за плечи.

Глава 4

Выйдя из мастерской, я убедилась, что супруги закрылись на ключ, а затем стала обследовать цокольный этаж. Больше всего меня интересовал запасной выход. Подойдя к нему, я легонько дернула дверь за ручку. Она податливо открылась. Выходило, что любой человек мог беспрепятственно проникнуть в здание со двора. Снаружи потянуло сигаретным дымком. Я выглянула во двор и увидела Нику. Она потушила сигаретку и пошла в мою сторону.

– А ты не куришь? – спросила меня секретарша.

– Нет.

– А я бросаю. – Ника зашла вовнутрь и стала закрывать дверь на засов. – Понемногу снижаю количество сигарет в день.

– Это самообман. Бросать надо сразу и неплохо бы найти этому занятию какую-то замену, например йогу.

– Без йоги обойдусь. – Ника побежала вверх по лестнице, я не стала ее догонять.

Вахтерша по-прежнему что-то вязала и даже не подняла на меня глаза не только тогда, когда я выходила, но и когда вернулась обратно, причем не с пустыми руками. А если у меня в пакете «калашников» в разобранном виде или взрывчатка?

В приемной снова никого не было, но пузыри по экрану уже не плавали. Только я шагнула к кабинету Родионовой, как дверь открылась и оттуда вышла Ника. Увидев меня, она пояснила:

– Думала, Антон Михайлович в кабинете, а его там нет. Ему звонили по городскому телефону.

Интересно, что она там делала в отсутствии Родионовых? Чтобы понять, что кабинет пуст, секретарше достаточно просто туда заглянуть. Это мне, поскольку я была здесь впервые, потребовалось зайти и заглянуть под стол. Я же не знала, что у Роденовой есть привычка разбрасывать свою обувь.

– Ника, – я присела на стул для посетителей, – Светлана Игоревна рассказывала про букет одуванчиков. Ты случайно не знаешь, откуда его доставили? Я своей тетушке хочу такой же букет подарить. У нее скоро именины, а она просто обожает одуванчики.

– Без понятия! Если очень надо, можно погуглить, – Никины пальцы стали бегать по клавиатуре. – Похоже, в Тарасове только одна фирма такие букеты составляет.

– Какая? – Я попыталась заглянуть в монитор.

– «Пан Тюльпан», – ответила Ника, повернув к себе дисплей, так что мне пришлось поверить ей на слово.

– Спасибо.

– А ты уже у кого-нибудь работала летописцем? – в свою очередь, поинтересовалась Ника.

– Приходилось, – кивнула я.

– Хорошо платят?

– Нормально.

– А что это у тебя за рулончики торчат из пакета? – полюбопытствовала секретарша.

– Светлана Игоревна попросила оклеить окна светоотражающей пленкой, сторона-то солнечная.

– Ясно, она уже и тебя припахала делать то, что, по идее, ты делать не должна. Привыкай, Роденова любит перекладывать на окружающих свои бытовые проблемы. Она меня пыталась сделать своей бесплатной домашней прислугой, я еле отбрыкалась. Хорошо, она хоть догадалась домработницу нанять. Скажу тебе по секрету, Светлана Игоревна по дому практически ничего не делает. Как говорится, не барское это дело! Готовить она вообще не умеет, Родионовы одним фастфудом питались, пока домработницу не наняли. Квартира у них большая, а убирались они там раз в месяц, а то и реже. И, скорее всего, не она сама, а Антон. То, что он

сам себе одежду гладит, это точно. Он это даже не скрывает. Для него это нормально. Не знаю, где таких мужей берут. Мой вообще дома ничего не делает, – пожаловалась Ника, а затем резко вернулась к началу разговора: – Скажи, а здесь окна тоже пленкой можно оклеить?

– Да, и здесь тоже.

– Это хорошо, а то летом тут такая жара! Кондиционеры Светлана Игоревна устанавливать не хочет. Они, видите ли, испортят фасад здания. У себя-то она напольный вентилятор включает, а я здесь парюсь. Не за свой же счет технику покупать, правильно?

– Какую-то ты страшную картинку обрисовала. Выходит, что Родионова самодурка. Наверное, ее многие не любят.

– Знаешь, она разная. Иной раз может быть такой доброй, что даже неловко. То подарок какой-нибудь ни с того ни с сего подарит, то накричит без всякого повода. Короче, она человек настроения. Но некоторые ее любят. Петя вот вообще ее боготворит.

– Петя – это…

– Подмастерье ее. Вообще-то он начинающий скульптор, набирается у Роденовой опыта, но по сути у нее на побегушках. Еще есть Макс, тот цену себе знает. У него родители крутые, бизнесмены, а сам он называет себя свободным художником. При Роденовой состоит только лишь потому, что ему это выгодно. Рядом с ней он хоть как-то засветиться может. Тарасов не такой уж большой город, двух именитых скульпторов он не выдержит.

– А где же они сейчас?

– Так по понедельникам у парней законный выходной, поскольку они все субботы и воскресенья с Роденовой в мастерской пропадают. Правда, в этот уикенд никто не работал, были длинные выходные по случаю юбилея. Женя, давай пленку! Я сама здесь окно затонирую.

– Хорошо, – я вынула из пакета и подала ей рулончик.

Пока Ника, сама того не подозревая, занималась маскировкой приемной, я зашла в кабинет Родионовой, подошла к настенному зеркалу, подняла футболку и стала осторожно пальпировать свою грудную клетку. Я уже ни один раз ломала ребра, поэтому без всякого рентгена могла поставить себе этот диагноз. Сегодня все-таки пронесло. Отделалась лишь ушибом. Поэт меня пощадил. А ведь я никогда не питала любви к творчеству Маяковского! Надо бы почитать его стихи на досуге.

Минут через десять я вернулась в приемную. Там было непривычно темновато для середины дня, зато с соседнего здания уже никто не мог разглядеть, что здесь происходит. Взяв у Ники рулон, я вернулась в кабинет, чтобы продолжить начатое.

Сегодня еще должны были установить WEB-камеры – из своей машины я позвонила Боре, услугами которого частенько пользовалась. Я еле уговорила его приехать сюда после шести, когда все сотрудники Центра изящных искусств разойдутся по домам. Родионовы создали мне некоторые помехи в работе, когда решили скрыть, что я телохранитель. Было бы странно, если бы летописец указывал кому-то, где надо ставить камеры, вместо того чтобы фиксировать каждый шаг героини своей будущей книги. Хотя надо отдать должное Антону. Он с ходу придумал интересный пиар-ход. Скоро по городу разойдутся слухи, что у Светланы Родионовой есть личный летописец. Хотя кого-то это может сильно задеть.

Антон, похоже, на самом деле не верил в то, что его жене кто-то угрожает. Сам он ее боготворит, поэтому думает, что и у всех вокруг Света вызывает исключительно положительные эмоции. Но это не так. Секретарша стала жаловаться мне на свою патронессу, даже не опасаясь, что эти жалобы попадут в мою «летопись». Возможно, просто наболело. И, скорее всего, не у нее одной. Мои мысли переметнулись на подмастерьев. Петя и Макс были начинающими скульпторами, но находились в тени Роденовой. И, скорее всего, им оттуда не выбраться, пока на небосклоне сияет ее звезда. Хотя другому ее ученику, Кириллу Ключевскому, это удалось. Он уехал в Москву и заявил там о себе, победив в конкурсе. Что мешает Пете и Максу поступить так же? Она же не станет удерживать их силой в Тарасове. Или станет? А если они не

хотят переезжать в столицу, а мечтают прославить свой родной город? Тогда им надо выходить из-под опеки Светланы Игоревны. Один из способов – испортить репутацию Родионовой и на гребне этой волны вознестись самому. Сейчас у нее два важных заказа, а вдохновения нет. И все это началось с букета одуванчиков, точнее, с записки в нем. Такой способ устрашения мог придумать только творческий человек. Возможно, это как раз-таки сделал кто-то из ее помощников. Макс или Петя.

Кстати, не мешает выяснить в салоне «Пан Тюльпан», кто и каким способом заказал доставку одуванчиков в Центр изящных искусств. Вряд ли знаток швейцарских фразеологизмов приходил туда лично, скорее всего, он сделал заказ по телефону или по Интернету, а значит, оставил свой след в электронной базе, по которому я попробую его найти.

Это сейчас надо мной нет никаких начальников, а начинала я работать бодигардом в одной охранной фирме. Босс всегда говорил мне: «Охотникова, не строй из себя частного детектива! Оплата у тебя повременная, чем дольше ты будешь охранять клиента, тем лучше, причем не только для тебя, но и для всех нас. Далеко не все хотят, чтобы охранником была баба, так что твой простой фирме обойдется слишком дорого». С коммерческой точки зрения он был прав. Но ведь это так скучно – месяцами охранять одного и того же человека от латентной угрозы! Мне гораздо интересней обнаружить ее и ликвидировать, чем ждать, когда нарыв созреет естественным путем. Такой уж у меня характер!

В кармане моих джеггинсов завибрировал смартфон, я достала его и взглянула на дисплей. Номер принадлежал Родионовой.

– Да, Света! – ответила я.

– Женя, как там дела?

– Окна оклеены.

– А камеры уже установили? – справилась моя клиентка.

– Пока нет, мой знакомый приедет сюда после шести, когда все ваши сотрудники разойдутся.

– Возможно, вы еще не в курсе, но в понедельник у нас короткий день, а у кого-то и вовсе выходной.

– Не знала.

– Мы с Антоном пока в мастерской. Я работаю, а он меня охраняет. Вы можете заняться своими делами.

– Тогда я ненадолго отлучусь.

– Хорошо, – Светлана отключилась.

Я не стала убирать смартфон, а вышла в Интернет, чтобы посмотреть, где находится салон «Пан Тюльпан». Но сначала я решила проверить, действительно ли только один этот флористический салон пустил одуванчики в продажу, или эти цветы уже давно пошли по рукам. И ведь действительно пошли! Приобрести срезанные одуванчики можно было еще и в «Пальмире», причем на нее указывала первая же ссылка. Интересно, Ника что-то недоглядела, или она сознательно утаила от меня этот адрес? До сего момента я не думала о том, что угроза может исходить от секретарши. А почему бы и нет? Пока хоть что-то не прояснится, подозревать можно и нужно все окружение Родионовой.

Я зашла на сайт «Пальмиры». Оказалось, что это не салон цветов, а эвент-агентство, одной из сезонных услуг которого являлось предоставление свежесрезанных одуванчиков для плетения венков. А кто сказал, что недоброжелатель Роде… тьфу, Родионовой не заказал одуванчики для венков, а потом сам не собрал из них букет? Кстати, профессии флориста и скульптора очень даже перекликаются. Так что и Пете, и Максу такое было, наверное, под силу. Это я просто собрала бы одуванчики в охапку, но человек творческий создал бы из них шедевр флористического искусства. Жаль, Света сразу же избавилась от такого необычного букета. Возможно, на упаковке были отпечатки пальцев не только курьера, но и кого-то еще. А был

ли курьер? Может, Ника покрывает кого-то из сотрудников Центра, или же сама пронесла тот желтый букет через черный ход? Кстати, на записке тоже могли остаться отпечатки пальцев того, кто предрекал Родионовой, что она скоро попадет в могилу. Хотя Света и Антон уже наверняка столько своих пальчиков там оставили, что нужные уже и не идентифицируешь.

Ника заглянула в кабинет и сказала:

– Не знаю, как ты, но я – домой. Если у всех понедельник – день тяжелый, то у нас наоборот. Роденова так соригинальничала.

– Я дождусь Светлану Игоревну.

– Как знаешь! Если она творит, то может и до ночи этим заниматься. Она тебе дала ключи от этого кабинета, чтобы его закрыть?

– Нет.

– Отрывать ее от ваяния не рекомендую. Будет скандал. Если не дождешься Светлану Игоревну, то можешь взять запасные ключи у меня в столе. Пойдем, я покажу тебе, где они лежат.

Я вышла в приемную. Дверь в коридор была приоткрыта, поэтому мне было видно, что мимо то и дело проходят люди.

– А коллектив здесь большой? – поинтересовалась я.

– Человек тридцать.

– Откуда столько?

– Бухгалтерия, кадры, техотдел, коммерческий отдел, преподаватели…

– А разве Светлана Игоревна не сама занимается обучением?

– У нее есть уроки мастерства, но дисциплин много – рисунок, материаловедение… Извини, я тороплюсь. Вот смотри, – Ника выдвинула ящик, в котором лежали ключи. – Сюда же их и вернешь, потому что завтра рано утром ключ от кабинета Светланы Игоревны понадобится уборщице, а от приемной отдашь вахтеру. Я пошла, до завтра!

Все-таки в этом Центре определенно должно было что-то случиться, чтобы здесь наконец задумались о безопасности.

Подождав немного, я прошлась по коридору, чтобы определить места для установки камер. Затем спустилась на первый этаж, а после – в цоколь, который был только с тыльной стороны здания. С улицы казалось, что здание двухэтажное, а со двора – трех.

Черный вход был приоткрыт. Я выглянула во двор – там никого не было. Зачем нужен вахтер у парадного входа, если эта дверь все время открыта? Я закрыла ее на щеколду, а потом подошла к двери в мастерскую и прислушалась – за ней было тихо. Это меня насторожило. Немного поколебавшись, я решила заглянуть в замочную скважину, «раритет», который Светлана называла замком, позволял это сделать. Прямо напротив двери сидел Антон и ковырялся в смартфоне. Вид у него был крайне утомленный. «Еще бы! Личная охрана – это не пиар-менеджмент, – усмехнулась я, отодвигаясь от замочной скважины. – Всегда непросто делать то, что тебе не свойственно».

Пока Света была под приглядкой своего мужа (охраной в прямом смысле этого слова это не назовешь), я была более или менее спокойна. С завтрашнего дня я буду неотлучно следовать за Родионовой, а сегодня мне надо провести подготовительную работу.

До Бориного прихода было еще несколько часов. Фронт работ для него я определила и, чтобы не терять времени даром, решила сходить в эвент-агентство «Пальмира», которое находилось в соседнем квартале. Конечно, расследование не входит в обязанности телохранителя, но заниматься сыском представителям моей профессии не противопоказано.

* * *

Открыв дверь в агентство, организующее праздники и развлечения на любой вкус, я заставила забренчать металлические трубочки музыки ветра, прикрепленной у входа. В холле никого не было, но через несколько секунд, вероятно, услышав звон, из соседнего помещения вышел молодой человек.

– Здравствуйте! – произнес он с легким поклоном. – Буду рад вам помочь.

– Я слышала, что у вас можно приобрести одуванчики.

– Да, это так. Присаживайтесь, пожалуйста, – эвент-менеджер указал мне рукой на кресло, и я приняла его предложение. – Вы хотите сами плести венки, или вам подойдут уже готовые?

Молодой человек задал мне этот нелепый вопрос с самым серьезным видом. Еще вчера эта ситуация показалась бы мне совершенно ирреальной.

– Мне нужны просто срезанные одуванчики, причем много.

– Простите, а это вы час назад звонили насчет фотосессии на Малиновой поляне?

– Нет, я пришла без звонка.

– Нет проблем! Так какое именно количество цветов вам нужно? – Заметив мое замешательство, менеджер уточнил: – На сколько голов?

– Голов?

– Я понимаю, размер венков может быть разным, для детского венка цветов уходит меньше. Вы можете назвать возраст девочек или же барышень постарше, и мы сами определим нужное количество одуванчиков, – услужливость сотрудника эвент-агентства просто не знала границ.

– Понимаете, мои знакомые, которые рекомендовали к вам обратиться, заказывали просто одуванчики. Мне нужно такое же количество.

– Когда они делали заказ?

– Одуванчики нужны были им в прошлую пятницу.

– Вы уверены?

– Да, как раз в пятницу они устраивали фотосессию на пленэре для своей дочки.

– Но у нас в прошлую пятницу был только один заказ на свадьбу, причем с готовыми венками для невесты и ее подружек.

– Так свадебные фотосессии тоже можно с одуванчиками устраивать? – искренне удивилась я. – А букет для невесты из этих цветов можно заказать?

– Пока у нас такого опыта не было, мы специализируемся на венках, но, если это необходимо, мы пригласим флориста.

– Мне надо кое-что уточнить, – я поднялась из кресла, – и как только я буду располагать всей необходимой информацией, я снова к вам зайду.

– Будем рады организовать для вас любой праздник или подобрать реквизит для любой фотосессии! – Молодой человек застыл с улыбкой от уха до уха.

Попрощавшись с ним, я ушла. Если принять на веру его слова, то одуванчики, которые получила Родионова, были заказаны не в «Пальмире». Я была склонна поверить сотруднику этого эвент-агентства. Интересно, они специально где-то выращивают эти цветы или собирают их по городским зеленым зонам?

Осталось проверить флористический салон «Пан Тюльпан», но сегодня я уже не успевала туда съездить, так как он находился на другом конце города.

Когда я зашла в здание, на входе сидела та же вахтерша, но вот вязала она уже другую вещь. Нитки были уже не меланжевыми, а синими, и спицы потолще и подлиннее. Она лишь взглянула на меня исподлобья, но не спросила, с какой стати я весь день шастаю туда-сюда.

– Скоро сюда придет молодой человек, чтобы установить камеры, – предупредила я ее на ходу.

– Я в курсе. Идите, деточка, пишите свою книжку. Я его направлю куда надо.

В словах вахтерши, касающихся написания книжки, отчетливо слышался сарказм. Обращение «деточка» меня покоробило, а в целом осведомленность этой вязальщицы меня удивила. Так что я вернулась на два шага назад и уточнила:

– А вы знаете, куда надо?

Бабуля впервые при мне отложила вязание в сторону, посмотрела на меня взглядом умудренной опытом женщины и сказала:

– Давно надо было камеры установить, чтобы все коридоры и лестницы просматривались. А черный ход – под замок! Хоть тебя Света наконец послушала.

– При чем здесь я? Я всего лишь книжку пишу. Просто меня Светлана Игоревна попросила…

– Деточка, я тридцать с лишним лет в органах проработала. Ты только вошла сюда, я сразу поняла, какая у тебя профессия.

– Но вы ведь на меня даже толком не взглянули?

– Ошибаешься. Я увидела за полсекунды достаточно, чтобы составить твой словесный портрет, а по нему и психологический. Вот что, деточка…

– Зовите меня Евгенией, – попросила я.

– Не вопрос.

– А вас как зовут?

– Здесь все называют меня тетей Машей, но ты называй меня Марией Ильиничной.

– Мария Ильинична, а у вас есть предположение, что здесь происходит?

– У Светы появился какой-то недоброжелатель. Она не говорила мне об этом, но по ней это заметно. Если тебя интересует, работает ли этот человек здесь, я скажу, что скорее нет, чем да. Но он может здесь бывать время от времени. Это хорошо, что ты, Евгения, сразу взялась за то, чтобы навести тут элементарный порядок. Но вот только твоя легенда насчет летописца не выдерживает никакой критики.

Я хотела ей возразить, заметив, что не стала бы усложнять себе работу подобной легендой, но не успела даже рта раскрыть. Мария Ильинична поняла, что ошиблась, и поправилась, заявив, что такая дурацкая идея могла прийти в голову только Антону.

Как ни странно, мое профессиональное самолюбие не было задето оттого, что меня в первый же день рассекретила женщина глубоко пенсионного возраста. Я даже обрадовалась, что у меня появилась здесь союзница, да еще умудренная опытом. Мне сразу захотелось задать ей массу вопросов, но я не успела, потому что пришел Боря.

Мы с ним сразу же взялись за дело, и часа через полтора все ходы и выходы в этом здании были взяты под видеоконтроль. Можно было просматривать происходящее здесь как в режиме реального времени, так и в записи.

– Отличная работа! – похвалила я Борю, наблюдая на дисплее своего планшета за сменой вахтеров.

– А как насчет оплаты? – уточнил он. – Ты сказала, что постфактум.

– Я думала, что Родионова освободится, но она все еще ваяет. Когда Светлана в творческом процессе, ее нельзя беспокоить. Так что я решу этот вопрос завтра.

– Ладно, Женя, мы с тобой уже не первый раз сотрудничаем, надеюсь, что не последний, – Боря протянул мне счет за свои услуги. – Завтра так завтра.

* * *

Родионова закончила творить вскоре после того, как я проводила Борю. Она выглядела слегка уставшей, но при этом ее глаза одухотворенно блестели, чего нельзя было сказать об Антоне. Он был зол, вероятно, оттого, что был вынужден бросить все свои дела, чтобы просидеть полдня рядом с женой.

– Евгения, надеюсь, вы все здесь закончили? – спросил он, когда Светлана зашла в кабинет за сумочкой. – Завтра вы сможете приступить к своим непосредственным обязанностям?

– Да, окна заклеены, камеры установлены, – отрапортовала я, протягивая ему счет. – И с этой минуты я приступаю к своим обязанностям.

Родионов взглянул на счет, присвистнул и, прежде чем Светлана вышла из кабинета, успел сказать:

– Недешево обходятся Светины причуды. В прошлый творческий кризис нам пришлось поменять портьеры на жалюзи, а теперь вот вы, Женя, со своими…

Фраза была оборвана, но я и без ее концовки поняла, что Антон все еще не верит в существование угрозы, нависшей над его женой, и списывает ее мнительность на творческий кризис. Родионов готов был мириться с любыми причудами своей супруги, но при этом не скрывал, что делает это вынужденно, преодолевая себя.

Мне до сих пор казалось, что Антон боготворит свою талантливую супругу, но после реплики про ее очередной творческий кризис мое мнение несколько изменилось. Похоже, скульптор Светлана Родионова была его самым удачным пиар-проектом, и он просто не мог не боготворить свое детище и не потакать всем его капризам. В понимании Антона я была не столько личным телохранителем его жены, сколько ее очередной причудой. Только это ничуть не мешало мне выполнять свои обязанности. Когда мы спускались по лестнице, я предупредила Свету, чтобы на улице она держалась за мной, пока я не посажу ее в автомобиль, причем на заднее сиденье, чтобы ее не было видно за тонированными стеклами. Она согласно кивала, а Антон лишь посмеивался. Ему мой инструктаж казался игрой в бирюльки. Интересно, а у него есть хоть какое-то объяснение тому, зачем в букет одуванчиков вложили записку с угрозой, а затем продублировали ее разбросанными в подъезде цветами, вырванными из земли с корнем?

Глава 5

Первым на улицу вышел Родионов и направился к «Лексусу», припаркованному рядом с моим «Фольксвагеном». Пока он шел к машине, я сканировала глазами окружающее пространство. Ничего подозрительного мне в глаза не бросилось, но тем не менее я старалась прикрывать Светлану собой, пока не усадила ее в свой автомобиль. Первым тронулся с места «Лексус», я поехала за ним. Вскоре я заметила в боковое зеркало, что за нами следует черная «Приора», несколько кварталов она повторяла все наши маневры, но близко не подъезжала. Между нами постоянно было две-три машины, которые то и дело менялись, но черная «Приора» неизменно следовала за нами. Я должна была проверить, привязался ли за нами хвост или это просто совпадение маршрута. Сознательно отстав от Антона на регулируемом перекрестке, я поинтересовалась у Светы ее домашним адресом. Она назвала его, добавив:

– Женя, а давайте заедем с вами в какой-нибудь ресторанчик!

Это предложение не пришлось мне по душе. Нет, я была бы не против того, чтобы поужинать в ресторане, но вот ради безопасности своей клиентки сейчас не следовало останавливаться. «Приора» все еще следовала за нами, и я не знала, какие планы у тех, кто в ней сидит.

– В какой именно ресторан? – уточнила я.

– Мне нравится в «Коломбине». Женя, вы там бывали?

– Приходилось, – кивнула я и дала газу, чтобы успеть проехать перекресток на уже замигавший зеленый свет. Затем я при первой же возможности свернула во двор, через который можно было попасть на соседнюю улицу.

– Но ведь ближайшая «Коломбина» в другой стороне, – заметила Света.

– А я хотела в ту, что на Московской, поехать. Там с парковкой дела обстоят лучше.

– Мне все равно. Езжайте куда хотите, – Светлана откинулась на подголовник и закрыла глаза. – У меня сегодня был трудный день. Хочется расслабиться, отдохнуть.

Когда я, миновав двор, выехала на улицу с односторонним движением, тишину салона нарушил телефонный звонок.

– Да, Антоша, – произнесла моя пассажирка. – Не надо было так быстро ехать, тогда бы ты нас не потерял. Да, мы тоже скоро будем дома. До встречи! Все, Женя, ресторан отменяется! Едем домой! Антон достаточно встревожен нашим отсутствием. Я даже не ожидала, что он будет так нервничать.

– Домой так домой, – я поехала туда кратчайшим путем.

Черная «Приора» больше не попадалась мне на глаза. Тем не менее перед тем, как выйти из машины, я опять провела со Светой инструктаж.

Дом, в котором проживали супруги Родионовы, располагался на Гагаринской набережной. Это была П-образная пятиэтажка, которая, как и офис на Соколиной горе, была построена в середине прошлого века. У моей клиентки была просто особая любовь к сталинскому модернизму! А я вот такие дома не жаловала: проходные подъезды, темные закутки у почтовых ящиков, подвалы и чердаки – все эти дополнительные площади могли служить пристанищем для нежелательных персон. Кодовые замки и домофоны, как правило, не являются для них серьезным препятствием. А вот дотошные консьержи или всевидящие камеры видеонаблюдения могут кого-то остановить, но чаще они лишь заставляют непрошеных гостей прибегать к какой-либо хитрости. Здесь чужаку особо хитрить не надо было, достаточно было позвонить в одну из квартир, представиться почтальоном или сотрудником любой коммунальной службы, и дверь откроется как после магического заклинания. Вероятно, именно так и поступил тот, кто разбросал перед квартирой Родионовых одуванчики, вырванные из земли с корнем.

Мы были уже на втором этаже, когда наверху послышался шорох. Я моментально достала пистолет и прикрыла собой Светлану, которая, почувствовав себя почти дома, так и норовила

вылезти вперед. Шумы наверху не прекращались, казалось, кто-то нетерпеливо переминался с ноги на ногу, поджидая нас. Света вцепилась сзади в мою руку, ту, что была с пистолетом, мне пришлось переложить его в другую. Не беда, ведь я одинаково метко стреляю из обеих рук. Когда мы миновали третий этаж, дверь неожиданно открылась, и из нее вышла девочка-подросток. Я еле успела спрятать оружие, чтобы ее не напугать. Поздоровавшись со Светланой, девчонка побежала вниз.

– Сколько вас еще ждать? – раздалось сверху. Это был голос Антона, и Света рванула к мужу, но я успела схватить ее за руку и по-прежнему продолжила подниматься первой, готовая к любым сюрпризам. Но все прошло благополучно, никто за Родионовым не стоял. Когда мы вошли в квартиру, он взглянул на пистолет и спросил: – Вы теперь так и будете смешить народ?

– Не вижу ничего смешного. – Света сбросила балетки с ног и, сунув их в уютные тапочки с помпончиками, исчезла в недрах большой квартиры. Вскоре оттуда послышалось: – Антон, ты так говоришь, потому что на тебя не падал бюст. Женя, проходите сюда!

– Прошу! – Родионов сделал приглашающий жест. Тень от его руки разрезала пополам тело огромной, на всю стену, бабочки. Эта аппликация здорово оживляла скучную пустую стену большой прихожей. Я подумала, что только творческий человек мог не заставить стену шкафами, а оставить ее пустой и радующей глаз. Бытует мнение, что дом – это отражение души. У этого дома, похоже, была Светина душа.

– Мне надо взять из машины свои вещи.

– Как знаете.

Я вышла из квартиры, но вместо того, чтобы пойти вниз, стала подниматься на последний, пятый этаж. Меня интересовало, как обстоят дела с чердаком. Он оказался закрытым на увесистый замок, и это меня хоть сколько-то порадовало. Мне хватило пяти минут, чтобы взять из багажника свою дорожную сумку, которую я именовала тревожным чемоданчиком, и вернуться в квартиру Родионовых.

По существу, это были две соединенных между собой соседние квартиры. Как я узнала позже, в одной из них, трехкомнатной, с самого детства жил с родителями Антон, а вторую, двухкомнатную, купила сестра его матери, когда после распада Союза была вынуждена сбежать из Таджикистана. Первым ушел из жизни отец Антона, потом его мать. Тетка пережила свою сестру на год и оставила квартиру племяннику. К тому времени он уже женился на Светлане, и они ждали пополнения в семье. Сначала Родионовы сдавали теткину квартиру, но потом решили ее объединить со своей.

– Жилое пространство – это очень интересная пластичная субстанция. Я собиралась создать из двух объединенных квартир гармоничную и комфортную площадь для жизни, но, к сожалению, наткнулась на различные препоны. Нам не разрешили снести стену, – рассказывала мне клиентка, устраивая экскурсию по квартире, – а я так хотела иметь большую гостиную! Но сделать несколько дверных проемов нам позволили, благодаря чему удалось оптимизировать перемещение… Вот, Женя, это будет вашей комнатой. Располагайтесь и приходите в столовую. Это даже хорошо, что мы не попали в ресторан. Серафима столько всего наготовила!

В гостевой комнате царил шебби-шик. От неимоверного количества розочек у меня даже зарябило в глазах. Вот как-то не по моему характеру был подобный интерьер. Я же не кисейная барышня! Но что делать, придется какое-то время пожить здесь. Я подошла к шкафу из беленого дуба с эффектом потертости, потянула на себя позолоченную ручку и, открыв дверцу, очень удивилась, что даже «плечики» внутри были обтянуты атласной тканью с цветочным принтом. Развесив свои вещи в шкаф, я пошла в столовую, ориентируясь по запаху.

Родионовы начали ужинать, не дожидаясь меня.

– Женечка, вы там сами положите себе в тарелки все, что захотите, – предложила Света, кивнув в сторону плиты.

– Да, конечно.

Надо сказать, что планировка столовой мне понравилась. Рабочая зона располагалась в центре помещения, и к ней можно было подойти со всех сторон. Я не стала стесняться и положила себе огромный, величиной едва ли не с полтарелки шницель и овощное рагу в качестве гарнира.

– Вина? – спросил Антон, потянувшись к бутылке.

– Нет, благодарю, я на работе.

– Да бросьте вы! – Родионов, не обращая внимания на мои возражения, взял бутылку и поднес ее к пустому фужеру. – Здесь и сейчас Светлане ничто не может угрожать. Так что вы, Женя, можете расслабиться до завтрашнего утра. Кстати, неплохая у вас работа! С полным пансионом…

– Антон! – резко оборвала его Света. – Это я так решила, что Евгения постоянно будет находиться рядом со мной, а не она напросилась к нам в гости.

– Молчу-молчу! – Родионов поднял бокал, сначала чуть пригубил вино, а затем выпил содержимое бокала примерно наполовину.

Света пила вино мелкими глотками, я же ради приличия поднесла бокал к губам, продегустировала «Шардоне» и поставила бокал обратно на стол. Больше я к нему не прикасалась. Вино мне очень понравилось, но я должна была иметь абсолютно трезвую голову.

Первым встал из-за стола Антон и убрал за собой посуду в посудомоечную машину. Света подвинула свой стул так, что между нами оказалась ваза с фруктами, и произнесла:

– Женя, вы не принимайте все, что говорит мой муж, близко к сердцу. Он к вам привыкнет, а может, и не успеет, если все разрешится быстро.

Родионова застыла в задумчивом молчании. Меня снова посетила мысль, что она не только знает, откуда исходит угроза, но даже ждет быстрой развязки. Света налила себе еще полбокала вина, хотела и мне добавить, но, увидев, что в этом нет надобности, поставила бутылку на стол. Она долго держала свой бокал в руке, то взбалтывала его содержимое, то смотрела через него на свет бра, а потом залпом выпила. Я ждала откровений, только вино не смогло развязать ей язык.

Она резко поднялась и вышла из столовой. Я убрала за ней и за собой посуду в машину, но включать ее не стала, чтобы, чего доброго, это не превратилось в мои повседневные обязанности. У меня и своих хватает.

Я вернулась в свою комнату, достала планшет и посмотрела, что происходит в здании Центра изящных искусств. Там все было спокойно, посторонних не было, вахтер бодрствовал, прохаживаясь по холлу туда-сюда.

У Родионовых работал телевизор, я тоже решила включить тот, что стоял в моей комнате. Пощелкав пультом, я наконец нашла фильм с участием моей любимой Хепберн, но не Одри, которая почему-то популярнее своей однофамилицы, а Кэтрин. Между прочим, именно Кэтрин Хепберн собрала рекордное количество оскаровских статуэток. Сегодня шла комедия «Филадельфийская история», которую я видела раз пять или шесть, знала наизусть почти все реплики, но готова была смотреть ее снова и снова, причем с любого места. И пусть я уже не смеялась так, как когда впервые смотрела этот фильм, снятый в начале 40-х годов прошлого века, для меня он был эталоном романтической комедии.

Возможно, со стороны моя работа и выглядела как отдых в пансионате с видом на Волгу, но это было не так. Я ни на секунду не расслаблялась, а прислушивалась к каждому шороху в квартире и за ее пределами. Даже самый смешной момент фильма не помешал мне услышать звук в соседней комнате. Оказалось, что Антон вышел там на балкон. Затем он гремел чем-то в столовой, хлопал дверью в ванной, будто проверял, как я буду реагировать на все эти внешние раздражители. Я каждый раз выходила из своей комнаты и, удостоверившись, что все в порядке, возвращалась обратно. После полуночи все звуки стихли, похоже, Родионовы легли спать.

Перед тем как отправиться в ванную, я взяла планшет, чтобы проверить, все ли в порядке в Центре изящных искусств, не готовит ли там кто новый сюрприз для Светланы. Ничего подозрительного я не заметила – никаких проникновений извне не было, и даже вахтер не спал, а сидел за столом и разгадывал сканворды.

Я приняла душ, намазала ушиб чудодейственным бальзамом, благодаря которому все раны на мне заживали очень быстро, и перед тем как лечь в постель, отправилась на кухню, чтобы попить воды. В квартире было тихо, если не считать мерного тиканья напольных часов в гостиной. Вернувшись к себе, я наконец легла, но сон не шел. Я пыталась отгадать, каким будет следующий шаг невидимого противника. Да и кто он такой? Что ему надо от Родионовой? Мария Ильинична была уверена, что от своих угроза исходить не может, значит, это не Макс и не Петя послали Светлане Игоревне цветы с запиской на французском: «Ты будешь есть одуванчики с корня». А может, все дело в здании? Вдруг кто-то хочет банально отжать его у Родионовой? Она сделала из развалюхи конфетку в красивой обертке. Наверное, многие хотели бы сейчас обустроить там свой офис. Конечно, от центра далековато, но зато нет проблем с парковкой. Законным путем выселить оттуда Центр изящных искусств проблематично, надо ждать срока окончания аренды. Но если напугать Родионову как следует, она сама сбежит оттуда, забрав только свои скульптуры. А восстановленные и преображенные ею интерьеры останутся. Не станет же она снимать антикварные двери с петель и разрушать лепнину на потолке? Или станет?

Мои мысли стали путаться, и я провалилась в сон. Трудно сказать, сколько времени я находилась в плену Морфея, но что-то изнутри кольнуло меня, заставив проснуться. Я открыла глаза: было еще темно, но в доме кто-то не спал – были отчетливо слышны шаги то ли в столовой, то ли в комнате Саши, сына Родионовых. Сначала я решила, что это Свету мучает бессонница, но, прислушавшись, поняла, что шаги для нее слишком тяжелы. Антон, подумала я, но потом услышала за стенкой крайне неприятное кряхтенье. На хозяина этой квартиры похоже не было.

Сунув руку под подушку, я достала пистолет, тихонько поднялась с кровати и прямо в пижамных шортах и майке на узких бретельках отправилась на разведку. На полу был расстелен ковер с длинным пушистым ворсом, поэтому моих шагов не было слышно, но вот в одном из ближайших помещений определенно кто-то ступал по паркету. В тот момент, когда я зашла в столовую, в районе хозяйской спальни зазвонил телефон. За застекленной дверью столовой пронеслась чья-то стремительная тень. Похоже, телефонный звонок спугнул непрошеного гостя. Открыв дверь в прихожую, я увидела мужчину, уже занесшего ногу за порог квартиры. В следующую секунду я приставила одной рукой пистолет к его спине, а второй сделала удушающий захват, грозно прошипев незнакомцу прямо в ухо:

– Одно лишнее движение, и ты труп!

Незнакомец что-то уронил на пол и выругался вполголоса.

– Что здесь происходит? – раздался голос Антона.

– Я тут кое-кого задержала, – сказала я, разворачивая вора лицом к хозяину квартиры.

Между мужчинами возникла немая сценка. Родионов укоризненно качал головой, глядя на задержанного мною сорокалетнего мужика, а тот смотрел на Антона с видом нашкодившего щенка, смиренно ожидающего побоев.

– Женя, отпустите его. Я сам потом с ним разберусь.

– Так вы знаете его? – спросила я, убирая пистолет и ослабляя, но не разжимая полностью захват вокруг шеи квартирного вора.

– Увы, – Родионов сунул смартфон в карман махрового халата, потуже завязал пояс, а затем спросил: – Женя, вы меня услышали? Отпустите его!

Мне пришлось выполнить эту просьбу. Почувствовав защиту хозяина квартиры, мужик подхватил с пола оброненный у порога пакет и юркнул за дверь.

– Кто это был? Почему вы позволили ему вот так просто уйти? – спросила я.

Вместо ответа Антон щелкнул замком, затем взял меня под локоток, отвел в столовую, прикрыл дверь и сказал:

– Женя, давайте вы не будете задавать мне лишних вопросов. И еще, Свете не надо рассказывать об этом инциденте. Хорошо?

– Почему? Это был ваш родственник? – предположила я.

Снова зазвонил мобильник, Антон достал его из кармана халата и приложил к уху.

– Алло, – негромко произнес он. – Так, и при чем здесь я? Там должен быть вахтер. Не отвечает? По инструкции? Вы что же хотите, чтобы я приехал? Если по инструкции так положено…

Неожиданно на кухне включился свет – в дверях бесшумно появилась Светлана, облаченная в длинный шелковой пеньюар. Зевнув, она уточнила:

– Что здесь происходит?

– Прости, дорогая, что разбудил тебя. Мне следовало поставить на ночь смартфон в режим без звука.

– Кто звонил? – уточнила Света.

– Вневедомственная охрана. Представляешь, на втором этаже нашего Центра, в правом крыле, горит свет. Охрана хотела уточнить, что там происходит, но вахтер не открыл им, поэтому, как положено по инструкции, они позвонили сюда.

Мы со Светой переглянулись. Похоже, она не только не предупредила мужа, что я решила устроить небольшую проверку, но и сама об этом забыла.

– Значит, до вахтера они не достучались? – уточнила Родионова.

Супруги вели себя так, будто меня не существовало. А между тем я продолжала находиться в столовой, и на мне была довольно откровенная трикотажная пижама. Света даже и не думала меня ревновать, впрочем, Антон и не давал ей повода. Он даже не смотрел в мою сторону.

– Достучались, но не сразу. Сейчас проверят, что там происходит, и отзвонятся. Думаю, там просто кто-то забыл выключить свет. Света, ты ложись, а я дождусь звонка и вернусь в спальню.

– Хорошо, – Родионова развернулась и ушла, не заставив себя уговаривать.

Убедившись, что моя клиентка удалилась на приличное расстояние от кухни, я прикрыла дверь и негромко сказала:

– И все-таки мне необходимо знать, кто здесь был. Вдруг это именно тот…

– Я гарантирую, что этот человек не имеет никакого отношения к угрозам в адрес моей жены. Просто поверьте мне, что есть причины, по которым Свете необязательно знать о том, что здесь произошло. Я все сам улажу, больше этого не повторится. – Загорелся дисплей смартфона, переведенного в беззвучный режим работы. – Алло! Понятно. Благодарю за бдительность.

– Что там? – поинтересовалась я.

– Ничего страшного. Как я и думал, кто-то просто оставил включенным свет в комнате психологической разгрузки. – Антон впервые поднял на меня глаза. Его взгляд так и говорил: «Я знаю, что это была ты, но не спрашиваю, почему ты меня не предупредила об этой проверке». – Пойдемте спать!

Я вернулась в свою комнату, легла, но мне было не до сна. Мои мысли были заняты не столько ночным визитером, сколько реакцией Родионова на произошедшее. Почему он дал спокойно уйти ночному вору? А главное – почему он решил скрыть это происшествие от Светланы? Хоть я и работала именно на нее, а не на Антона, но решила прислушаться к его просьбе. Моей основной задачей было делать все для того, чтобы моя клиентка не теряла вдохновения. Остаток ночи я не сомкнула глаз, прислушиваясь к каждому шороху, но если они и были, то за

пределами квартиры – скрежет тормозов подъехавшего к дому такси, задыхающийся кашель на соседнем балконе, лай бездомной собаки.

Глава 6

С рассветом в квартире началась движуха. Сначала поднялся Антон и, громко шлепая тапками по паркету, направился в ванную. Оттуда логичнее всего было пойти в столовую, но Родионов ушел из дома. Мне недолго пришлось гадать, куда он направился и почему так рано. Я увидела в окно, что он совершает утреннюю пробежку по набережной. Я бы с огромным удовольствием присоединилась к нему, но мне надо было оставаться рядом со Светланой. Как выяснилось, даже дома ей угрожала опасность.

Когда в прихожей послышался лязг открывающегося замка, я подумала, что это вернулся Антон, хотя и удивилась, что его пробежка была совсем короткой. Но оказалось, что пришла домработница. Она сразу же направилась в столовую и стала там стряпать. Я решила не дожидаться, когда хозяева меня ей представят, а самостоятельно заявить о себе.

– Доброе утро! – обратилась я к полной женщине, стоявшей у плиты спиной ко входу.

– Доброе! – ответила та, даже не оглянувшись. – Меня предупредили, что готовить снова надо на троих. Вы здесь надолго или пока Саша не вернется?

– Пока не знаю, – пожала я плечами, – как получится.

– Мне сказали, что вы книжку о Светочке пишете, – Серафима подошла к холодильнику, – если надо, то я могу вам помочь.

– Это каким же образом, интересно?

– Рассказать могу о ней, – домработница закрыла холодильник и подошла к разделочному столу. – Света – редкой души человек! Если бы не она, я бы сейчас сидела без работы. Даже не знаю, чем бы я тогда сыночка кормила? Фирма, в которой я работала, закрылась, я уж и там и сям пробовала трудоустроиться, везде мне отказывали. Всем нужны молодые и красивые. Я тоже когда-то была такой, но ведь себя не законсервируешь. Годы все равно берут свое. Иду я, значит, по двору после очередного неудачного собеседования, а мне навстречу – Света. Посмотрела она на меня одним глазком и говорит: «У вас, Серафима Львовна, вероятно, что-то случилось». «Случилось, – отвечаю я ей, – третий месяц без работы сижу, сыночка кормить нечем». Не в моих правилах жаловаться, но Света так расположила меня к себе, что я рассказала ей о том, что никак не могу найти работу. Сама я еще кое-как протянула бы, но ведь у меня сыночек, его кормить надо.

Я пыталась понять, сколько же лет ее сыночку. Серафима выглядела лет на шестьдесят, но на самом деле могла быть и несколько моложе. Если родила она поздно, уже за сорок, а то и ближе к пятидесяти, то ее сын сейчас мог быть еще подростком. Чем чаще Серафима упоминала о своем сыночке, тем больше меня посещала мысль, что речь идет о собачке или котенке, которые не могут позаботиться о себе самостоятельно. Мне доводилось встречать людей, которые своих домашних питомцев считали членами семьи, называли их дочками-сыночками. Может, и у Серафимы на иждивении состоит какой-нибудь прожорливый песик или даже мини-пиг.

С пробежки вернулся Антон и минут на пятнадцать занял одну из ванных комнат. Серафима все трещала про своего сыночка, но завтрак тем не менее готовила. Зайдя на кухню, Родионов поздоровался с нами и сел за стол.

– Свету ждать не будем, – сказал он. – Она заснула только под утро, пусть выспится.

Серафима приняла слова хозяина как руководство к действию и стала раскладывать по тарелкам омлет с ветчиной. Надо сказать, моя тетушка Мила готовила омлет намного лучше. У Серафимы же он получился по краям подгорелым, а в середине – сыроватым. Но Антон разделался с ним довольно быстро и с большим аппетитом. Я все еще ковырялась вилкой, пытаясь найти хоть один сносный кусочек, а у него тарелка уже опустела. Горячие бутерброды тоже были так себе, но тут дело вкуса, я просто не люблю, когда их готовят с кусочками томатов.

А вот кофе Серафима сварила в тюрке превосходный! Или она просто не смогла испортить дорогой молотый кофе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.